

М.А. Белоусов

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ КОМИССАРА

Белоусов Михаил Артемьевич

Генерал-майор

Родился в 1907 г. В начале Великой Отечественной войны служил в Особом отделе НКВД по Юго-Западному фронту, в сентябре 1941 г. попал в окружение вместе с командованием, Военным Советом и ОО фронта. После войны — на различных руководящих должностях, руководил различными органами контрразведки МГБ — КГБ, включая Особый отдел КГБ по Киевскому военному округу и Управление особых отделов по Группе советских войск в Германии.

Поздно вечером 17 июля 1941 года меня вызвал к себе начальник Особого отдела НКВД Юго-Западного фронта комиссар государственной безопасности 3-го ранга Михеев Анатолий Николаевич:

— Завтра утром мы с Петровым Ф.А. выезжаем в действующую армию. Ты едешь с нами. Собирайся.

Поскольку ранее я уже выезжал с Михеевым А.Н. на несколько дней на Западный фронт, то спросил:

— Надолго?

— До полной победы над фашистами!

С нами поехал и адъютант Михеева А.Н. — лейтенант госбезопасности Пятков Иван Филиппович. Это был в полном смысле военный человек: подтянутый, дисциплинированный, сильный и уже имевший боевую биографию.

В августе 1938 года, будучи оперуполномоченным Особого отдела 40-й стрелковой дивизии, он участвовал в боях с японцами у озера Хасан. Когда в одном из батальо-

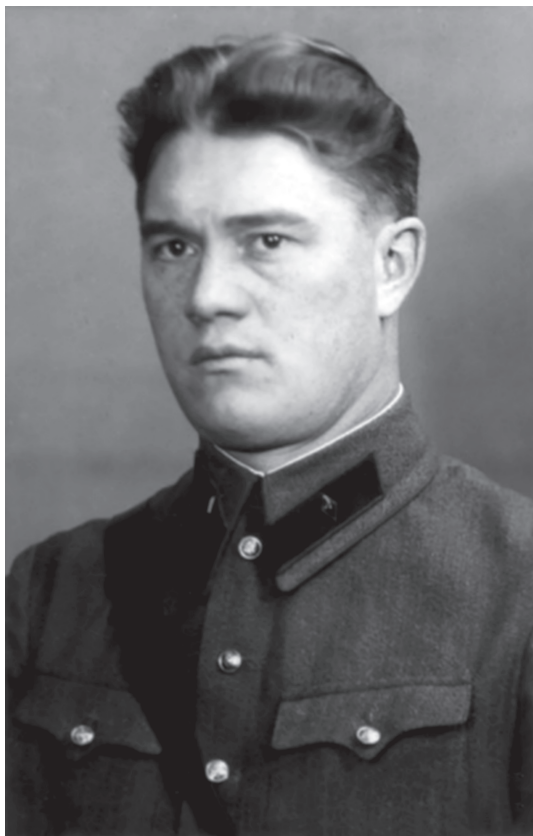
нов были убиты командир и начальник штаба, Иван Филиппович принял командование на себя. В течение двух суток бойцы отражали яростные атаки врага, несколько раз переходившие в рукопашные схватки. Батальон уничтожил до 200 солдат противника и не сдал занимаемого рубежа.

М.А. Белоусов

За мужество и героизм, проявленные в боях у озера Хасан, Пятков И.Ф. был награжден орденом Красного Знамени.

Михеев А.Н. планировал уже через сутки прибыть в местечко Бровары в 16 километрах под Киевом, где размещались штаб и Особый отдел Юго-Западного фронта. Но из-за бездорожья мы добрались до места только через три дня.

Комиссар госбезопасности 3-го ранга А.Н. Михеев

Михеев А.Н. сразу же направился в штаб фронта для встречи с командующим генерал-полковником Кирпоносом М.П., членом Военного совета Бурмистенко М.А. и начальником штаба генерал-лейтенантом Пуркаевым М.А.

Как новый начальник Особого отдела фронта он представился членам Военного совета и доложил им о задачах, возложенных на органы военной контрразведки в связи с началом войны.

Вернувшись в отдел, Михеев А.Н. провел совещание, на котором потребовал от оперативных работников соблюдения железной дисциплины, определил их место и роль в сложившейся обстановке и обязал каждого военного контрразведчика помогать командирам и политработникам в поддержании высокого боевого и морального духа войск.

«Каждому из нас, — говорил он, — надо проникнуться чувством глубокой ответственности за судьбу Родины и строжайше выполнять требования директив Партии и Правительства».

Вечером Михеев А.Н. вызвал меня к себе и объявил, что мы едем на передовую, с собой берем старшего оперуполномоченного Горюшко Г.Г.

Горюшко Георгий Георгиевич — человек атлетического сложения, сильный духом и надежный во всех отношениях — уже бывал в боях с фашистами. На третий день войны он и старший лейтенант госбезопасности Котовенко А.П. были командированы в район Шепетовки. В пути следования увидели, что на лесок возле дороги из двух немецких самолетов выброшен десант.

Диверсанты! Решение принимается молниеносно: Котовенко А.П. мчится на машине в Шепетовку за подкреплением, а Горюшко Г.Г. остается на опушке леса наблюдать за десантом.

Когда Котовенко А.П. вернулся со взводом пограничников, в обусловленном месте он увидел Горюшко Г.Г., уже вооруженного немецким автоматом. Оказалось, что недалеко от него приземлился один из диверсантов, и, пока тот выпутывался из строп парашюта, Горюшко Г.Г. прикончил его без единого выстрела.

Прибывшие с Котовенко А.П. пограничники скрытно окружили диверсантов. Плотный огонь почти в упор ока-

зался неожиданным для фашистов. Через 15-20 минут бой закончился. Из шестидесяти парашютистов в живых осталось только двое. На допросе они сообщили, что выброшенная группа имела задание вывести из строя Шепетовский железнодорожный узел.

Конечной целью нашей поездки на Западный фронт был левый фланг Киевского укрепрайона, где в те дни сложилось наиболее тяжелое положение.

Участок фронта, на котором немцы подошли близко к Днепру, прикрывала 147-я стрелковая дивизия под командованием полковника Потехина С.К.

На позиции одной из рот, от личного состава которой после десяти вражеских атак осталось только восемь человек, нашей группе довелось участвовать в отражении одиннадцатой. В этом бою Горюшко Г.Г. удалось связками гранат поджечь два фашистских танка.

Перед возвращением в отдел Михеев А.Н. предупредил нас: «В отделе никому не рассказывайте, в какой переплет мы попали, а то найдутся и такие, которые скажут: “За чем их понесло в окопы?” А нам это надо было, особенно мне. Я лично хотел видеть в бою наших красноармейцев, быть с ними рядом, на себе ощутить психологическое состояние человека в момент фашистской атаки. Увидеть условия работы наших оперработников на передовой».

Так закончился первый день нашего пребывания на фронте. «Закончился день» — выражение неточное. В Особом отделе фронта тогда работали круглосуточно с перерывом на сон часа на два-три.

На второй день пребывания на фронте Военный совет поручил Михееву А.Н. оказать помощь командованию «в наведении порядка в прифронтной полосе и в пополнении частей людьми».

Для выполнения задания был задействован почти весь резерв оперативного состава Особого отдела фронта, в том числе технические специалисты, сержанты, старшины и наиболее подготовленные бойцы из батальона охра-

ны. В течение дня было создано несколько десятков оперативных групп по три-четыре человека, которые возглавили военные контрразведчики. На них возлагалась задача организовывать из военнослужащих и военнообязанных, находившихся в прифронтовой полосе, подразделения по 40-60 человек и отправлять их на передовую.

Также были созданы оперативные группы с задачей оказания помощи командованию в организации четкой и бесперебойной работы переправ через Днепр и железнодорожных станций, находящихся в непосредственной близости от линии фронта.

Известно, что к концу июля командованию Юго-Западного фронта удалось значительно укрепить боеспособность войск. Каждый километр на подступах к Киеву противнику приходилось брать в ожесточенных боях, ценой больших потерь. Если в течение первого месяца войны ему удалось в полосе нашей обороны продвинуться более чем на 700 километров, то во второй месяц темп его наступления замедлился в 10-12 раз. Во многом этому способствовали своевременные и грамотные действия военных контрразведчиков.

Военный совет фронта дал тогда их деятельности высокую оценку. Нередки были случаи, когда оперработникам приходилось поднимать бойцов в атаку, многие из них сложили головы на поле брани. Смелость и отвагу проявили майор госбезопасности Черник С.А., старшие лейтенанты госбезопасности Базанов М.А., Котовенко А.П., Чураков Д.Д., младшие лейтенанты госбезопасности Горюшко Г.Г., Красножён Н.Е. и другие.

8 августа 1941 года около трех десятков немецких танков при поддержке полка пехоты прорвали нашу оборону на левом фланге Киевского укрепрайона и захватили хутор Совки. Создалась угроза прорыва противника в Киев, захвата мостов через Днепр и окружения наших частей, находящихся западнее города. Командующий фронтом возложил задачу по ликвидации прорыва на воздушно-де-

сантную бригаду полковника Родимцева А.И. и измученные боями остатки войск 206-й стрелковой дивизии.

Генерал-полковник Кирпонос М.П. обратился за помощью к Михееву А.Н., который немедленно направил на этот участок своего заместителя Петрова Ф.А. и оперработника Горюшко Г.Г. Прибывшие на место военные контрразведчики помогли командирам подготовить подразделения к бою и поднять красноармейцев в атаку, которую возглавили сами.

В этом бою Петров Ф.А. был тяжело ранен. Горюшко Г.Г. вынес его с поля боя и передал санитарам, а сам заменил погибшего пулеметчика и мастерски бил по фашистам из «Максима».

Бой продолжался два часа. Задание командования было выполнено — группировка немцев, прорвавшаяся в Совки, уничтожена. Допрошенные пленные показали, что доведенный до каждого немецкого солдата личный приказ Гитлера «Овладеть Киевом 10 августа!» остался невыполненным.

21 августа в результате нового наступления немцев на правом фланге нашего фронта были потеснены войска 27-го стрелкового корпуса. Штаб фронта, Военный совет и Особый отдел передислоцировались в Прилуки. 14 сентября немецкие танковые части соединились вблизи станции Ромодан, в результате часть войск, штаб фронта, Военный совет и Особый отдел оказались в окружении.

Михеев А.Н. приказал сформировать из сотрудников отдела и роты охраны три боевые группы. Первая — семь человек, во главе с ним, оставалась с Военным советом фронта, вторая — весь оперсостав отдела — должна была следовать со штабом, третья — вспомогательные подразделения отдела — уходила с остальными войсками. Я находился во второй группе.

При расставании Михеев А.Н. сказал, что надеяться на прорыв кольца окружения снаружи не следует. Оперработник должен быть всегда готов к активным боевым дей-

ствиям, служить образцом мужества и стойкости. Добавил еще несколько ободряющих слов и в сопровождении Пяткова И.Ф. и Чеботенко В.П. убыл в расположение Военного совета.

Рано утром 19 сентября наша группа вошла в село Городище. Военный совет уже был здесь. Во второй половине дня от Михеева А.Н. был получен приказ всем военным контрразведчикам построиться на южной окраине села, в роще старых кленов. В строю — 62 сотрудника госбезопасности. Подошли Михеев А.Н., начальник штаба фронта Тупиков В.И., командующий Кирпонос М. П., члены Военного совета Бурмистенко М.А. и Рыков Е.П.

Михеев А.Н. довел обстановку: «Военный совет решил использовать последнюю возможность для выхода из создавшегося положения. Для этого он организует отряд прорыва в составе двух взводов: первого — из вас, чекистов, и второго — из красноармейцев комендантской роты штаба и пограничников, охраняющих Военный совет. Командиром взвода особистов назначается старший лейтенант госбезопасности Оксень. Командиром второго взвода — пограничник майор Ширяев. Отрядом будет командовать начальник войск охраны тыла полковник Рогатин».

Затем Михеев А.Н. попросил генерала Тупикова В.И. поставить боевую задачу. Свое выступление Тупиков В.И. закончил словами: «Если вам удастся прорвать окружение, Военный совет пойдет за вами. Если же сложите здесь головы, Родина вас не забудет».

Заняв исходное положение, мы по команде полковника Рогатина В.Т. бросились в атаку на немецких автоматчиков, окопавшихся в кустарнике на склоне высоты, и минут через двадцать уничтожили их. К нашему счастью, гитлеровцев там оказалось, как и предполагал генерал Тупиков В. И., не так уж много.

Атака и развитие прорыва продолжались часа полтора. За это время нам удалось переправиться вплавь через реку Многа у села Загребелье и продвинуться в заданном

направлении на три километра. Севернее села Мелехи наш взвод соединился со взводом майора Ширяева. Подсчитали потери. У нас — человек десять. Примерно столько же у Ширяева. Вышли из строя и оба приданных ему броневика.

Полковник Рогатин В.Т. послал в Городище, в Военный совет, двух пограничников с донесением о том, что отрядом задача выполнена — путь из Городища свободен — и Военный совет может следовать за отрядом. Мы же продолжали выполнение задачи, уходя в направлении села Сенча. Вечером мы двинулись по полям, озаряемым пожарами горящих хлебов, на Сенчу...

26 сентября, измотанный переходами и многочисленными стычками с немецкими заслонами и отдельными подразделениями, наш взвод переправился через реку Псёл вблизи хутора Млыны и вышел в расположение 5-го кавалерийского корпуса.

Ядро нашего взвода составляли 18 военных контрразведчиков. Мы вышли из окружения в военной форме с оружием, личными и партийными документами и после короткого отдыха были готовы выполнять новые боевые задачи.

Что же произошло с сотрудниками трех подразделений, находившихся в группе Военного совета фронта, после того как наш отряд осуществил прорыв из села Городище?

Направленные туда Рогатиным В.Т. пограничники доложили командующему фронтом, что немецкое окружение прорвано, путь свободен, можно идти за отрядом прорыва. Военный совет вышел из Городища, но задержался на переправах из-за неисправности мостов на реке Многа. В полночь продолжил движение, но не по нашему маршруту, а несколько западнее его. Возможно, генерал Кирпонос М.П. изменил маршрут движения потому, что два больших отряда генерала Потапова М.И. и генерала Баграмяна И.Х. должны были по его задаче захватить мосты через реку Сула.

Генерал-полковник М.П.Кирпонос

Группа Военного совета вскоре догнала колонну штаба и тыловых подразделений 5-й армии во главе с генералом Потаповым М.И. Их совместный отряд численностью около 800 человек к рассвету 20 сентября вышел к хутору Дрюковщина.

Кирпонос М.П., посоветовавшись с генералами, приказал остановиться здесь на дневку, укрыв отряд в урочище Шумейково, расположенном западнее реки Сенча. Как только рассеялся утренний туман, над ними появился немецкий самолет-разведчик. Вскоре урочище плотным

кольцом окружили десяток немецких танков и двадцать автомашин с пехотой. По урочищу был открыт пулеметный и артиллерийско-минометный огонь.

Командиры, политработники и военные контрразведчики стали перегруппировывать подразделения для отражения атаки фашистов.

Первыми повели в контратаку свои подразделения лейтенант госбезопасности Пятков И.Ф., младший лейтенант госбезопасности Горюшко Г.Г., начальник Особого отдела 5-й армии капитан госбезопасности Белоцерковский И.М., начальник штаба армии генерал Писаревский Д.С. и еще пять-шесть штабных командиров. Почти все они погибли. Горюшко Г.Г. замахнулся на танк гранатой, но не успел ее бросить, как был скошен пулеметной очередью. Пятков И. Ф. был тяжело ранен в живот и застрелился, когда немцы попытались взять его в плен. Погибли в бою Белоцерковский И.М. и Писаревский Д.С.

Пытаясь вырваться из окруженного урочища, поднимали бойцов в атаку комиссар госбезопасности Михеев А.Н., дивизионные комиссары Рыков Е.П. и Никишев М. С., генералы Кирпонос М.П., Тупиков В.И. и Потапов М.И.

Но силы были неравны. Под лавиной огня приходилось отходить вглубь урочища, затем снова и снова контратаковать. В этих боях были ранены Михеев А.Н., Рыков Е.П., Кирпонос М.П. и Потапов М.И.

Бой у урочища продолжался весь день. Героическое сопротивление советских воинов заставило противника прекратить к вечеру свои атаки. К этому времени уже были убиты командующий фронтом Кирпонос М. П., многие командиры, политработники, красноармейцы и особысты.

Ночью оставшиеся в живых, не теряя надежды на прорыв, организовали несколько небольших групп и выбрались из урочища. Группа генерала Тупикова В.И. пошла в северном направлении и в километре от урочища, у хутора Овдиевка, напоролась в темноте на засаду немцев. Завязалась перестрелка, в ходе которой генерал Тупиков В.И. был убит.

Группа под командой Михеева А.Н., в которую входили заместитель начальника Особого отдела фронта Якунчиков Н.А., член Военного совета 5-й армии дивизионный комиссар Никишев М.С., начальник Особого отдела одной из дивизий этой армии старший лейтенант государственной безопасности Стороженко А. А. и три красноармейца из взвода охраны, направилась на восток.

Утро 21 сентября застало эту группу в двух километрах юго-западнее села Исковцы Сенчанского района. Здесь на поле, в стогах сена, решено было дожидаться вечера. Но вскоре появились немецкие танки, которые гусеницами стали утюжить разбросанные по полю копны. Они гонялись за людьми, давили и расстреливали их из пулеметов. Гранат ни у кого не было. Михеев А.Н. со своими товарищами пытался укрыться в овраге, но танк преследовал их до самого обрыва. Михеев А.Н., Якунчиков Н. А. и Никишев М. С. героически пали в этом неравном бою.

Так в те грозные дни работники особых отделов делили с войсками все тяготы боевой жизни, служили образцом мужества, героизма и преданности Родине.

Возле урочища Шумейково, где командование Юго-Западного фронта с группой военных контрразведчиков приняло последний бой, сооружен монумент в честь советских воинов, сражавшихся с немецко-фашистскими захватчиками на Украине летом и осенью 1941 года. Монумент торжественно открыт 18 сентября 1976 года, в канун 35-й годовщины этого боя.

И.С. Шабалин

ДВАЖДЫ ТРОФЕЙНЫЙ ДНЕВНИК

Шабалин Иван Савельевич (1902 — 1941)

Майор госбезопасности

В органах ОГПУ — НКВД с 1929 г. С января 1940 г. заместитель наркома, с ноября 1940 г. — нарком внутренних дел и госбезопасности Бурят-Монгольской АССР. 23 августа 1941 г. назначен начальником Особого отдела НКВД по 50-й армии Брянского фронта.

20 октября 1941 г. в ходе отступления армии погиб.

Одна из горьких страниц поражений 1941 г. — трагедия 50-й армии. В начале октября 1941 г. она попала в окружение под Брянском и к ноябрю была практически уничтожена. Погибли и попали в плен около 90 000 красноармейцев. В числе погибших — командующий армией генерал-майор М.П.Петров и начальник особого отдела майор ГБ И.С.Шабалин. На его теле немцы обнаружили рукописные записи. Как ни удивительно — чекист вел дневник.

Разумеется, немецкое командование оценило ценность добычи. Хотя Шабалин был достаточно осторожен и не доверял бумаге секретных сведений, противнику важны были любые сведения о происходящем среди командования погибшей армии. В сопроводительном письме командованию 2-й танковой армии вермахта об этом дневнике говорилось, что «он дает интересную картину настроения командующего 50-й армией генерала Петрова и его ближайшего окружения во время битвы за Брянск и характерен для боевого духа противника. Он показывает, что трудности управления войсками и напряжение войск у противника значительно больше, чем у нас. Дневник следует использовать в работе с войсками». Перевод дневника был размножен и распространен среди офицеров вермахта.

18 декабря 1941 г., в ходе контрнаступления под Москвой частями 1-го гв. Кавалерийского корпуса среди прочих трофеев были захвачены немецкие документы. Среди них был и злополучный перевод записок И.С. Шабалина. Он был вновь переведен на русский и направлен в НКВД. Ныне он хранится в 148-й — «трофейной» — описи фонда ЧГК (Р-7021) в ГАРФ. Ниже мы предлагаем его вашему вниманию.

Разумеется, следует помнить, что это не аутентичный документ, а двойной перевод — с русского на немецкий и затем обратный перевод без сверки с пропавшим у немцев оригиналов. Кроме того — нет никаких гарантий, что в него не вносили собственных правок немецкие пропагандисты. Тем не менее, это редчайшее письменное свидетельство должно быть интересно читателю.

12.8.1941 г.

В 700 часов утра выехали с пассажирским поездом № 3 из Улан-Удэ в Москву.

На вокзале провожали меня Надежда, Петров, Ильин и Козырев. Мое мнение: надолго, даже быть может навсегда расстанусь я с моей семьей и моими добрыми, дорогими друзьями.

17.8.1941 г.

В Красноярске я не встретил Бакулина.
В пути было ужасно скучно.

18.8.1941 г.

Также в Свердловске я не встретил Леонина.
Все 4 часа пробыл на вокзале.

19.8.1941 г.

В пути много читал. Покупал ягоды.
На каждой станции мы долго стояли.

21.8.1941 г.

Прибыл в Москву, тотчас же отправился в ОК и к моему удивлению немедленно получил назначение.

22.8.1941 г.

Начинаю с формирования Особого отдела 50-й армии.

23.8.1941 г.

Был в Наркомате. Читал приказ. Получил звание майора государственной безопасности.

24.8.1941 г.

Продолжаем снаряжаться. Получаем обмундирование.
Я принес товарищу Борисковскому шинель в Наркомат, отправил телеграмму Наде, еду в Брянск.

25.8.1941 г.

Я нервничаю. Нет покрышек для автомашины, нет бензина. Состав [отдела] еще не полон.

В 1700 выехали из Москвы в Тулу.

26.8.1941 г.

Переночевал в авто. Продолжаем поездку, в пяти автомашинах. Настроение людей хорошее.

27.8.1941 г.

Прибыли на место назначения в деревню Вышковичи, близ г. Брянска. Расквартировались в сельхозтехникуме.

28.8.1941 г.

Утром зенитки обстреливают немецкие самолеты. Выехал в дивизию на передовые позиции.

29.8.1941 г.

Принял дела. Аппарат бежит. Противник предпринимает налеты на г. Брянск. Стучат пулеметы и зенитки. Самолеты немцев безнаказанно улетают. наших ястребков пока что не видно.

30.8.1941 г.

Выезжал в некоторые дивизии, чтобы дать практические указания.

2.9.1941 г.

Мы перебрались со штабом в д. Чайковичи, близ Орджоникидзеграда.

3.09.1941 г.

Город О. почти безлюден. Во многих местах он разрушен авиацией противника.

4.9.1941 г.

Брянск сильно пострадал от атак немецкой авиации. Целые городские кварталы разрушены.

5.9.1941 г.

При посещении линии фронта я купался в Десне и наблюдал бомбардировку нашей передовой линии немецкой авиацией. Атака продолжалась приблизительно 2 часа и была ожесточенной. Самолеты пикировали и удалялись все безнаказанно.

6.9.1941 г.

Армия не является такой, какой мы привыкли представлять ее себе на родине. Громадные недостатки. Атаки наших армий разочаровывают.

7.9.1941 г.

Допрашивали одного рыжего немецкого военнопленного, оборванного парня, обовшивевшего, на редкость тупоумного.

30.9.1941 г.

Положение с личным составом очень тяжелое. Почти весь состав армии подобран из людей, родина которых занята немцами. Они хотят домой. Бездеятельность на фронте, отсиживание в окопах деморализуют красноармейцев. Появляются случаи пьянки командного и политического состава. Люди иногда не возвращаются из разведки. Противник ведет слабый минометный огонь. Он укрепляет передовые позиции отлично. Мы живем в землянке. Бывает немного холодно, особенно по утрам.

Вчера 29.9.1941 г. меня вызывал командующий армией на командный пункт. Был чрезвычайно интересный разговор о политико-моральном состоянии войск и наших мероприятиях. Ночью я возвратился в свою землянку, без

света, в ужасной темноте. Я возвратился очень расстроенным. Дела идут плохо. Знает ли Москва действительное положение на фронте

На пути через колхозные поля видно много хлеба, собранного в скирды и копны. Сколько добра пропадает! Становится страшно. Некоторые красноармейцы собирают рожь для лошадей. Копают себе картофель и заготавливают дрова.

1.10.1941 г.

Я встал рано утром. Из Москвы прибыли т.т. Тутушкин и начальник Особого отдела фронта Бегма. Это дало хороший толчок. Затем все выехали в дивизии, также и мои два представителя.

В дивизиях дело обстоит неблагоприятно как с нашим аппаратом, так и с командно-политическим составом. Он работает плохо.

Хорошим уроком будет для нас происшедшая катастрофа с 42 красноармейцами в 258-й стрелковой дивизии и подобное же дело с 18 людьми в 217-й стрелковой дивизии. Позорно, что мы проспали и расследование дела не приносит необходимого результата.

Вывод: Положение 50-й армии неблестяще. Она состоит почти целиком из людей, родственники которых находятся в областях, занятых противником.

От нас и от командования требуются жесткие мероприятия. Многие военные инстанции и часть нашего аппарата работают все еще, как в мирное время. Этому благоприятствовало еще и то, что армия почти два месяца находится в обороне и ведет только артиллерийский, минометный и пулеметный огонь, и то лишь периодически и очень слабо. Ночью люди на передовых позициях обороны спят; немцы выставляют посты и уходят для ночевки в деревню. Это не война, а пародия. Нет никаких активных действий, атак, и из-за этого среди красноармейцев возникают нездоровые проявления.

Сегодня я провожал «москвичей». Возвратился в свою землянку и пишу эти строки при свете свечи. Душа болит, настроение отчаянное. Все же нужно положение немедленно восстановить, и это надо сделать любой ценой.

2.10.1941 г.

Я встал в 8 часов утра, позавтракал: хлеб, сыр, чай с сиропом. Лежит донесение о том, что противник наступает на фланге 13 армии нашего фронта. У нас непрерывно слышна артиллерийская стрельба. Мне нравятся наши пушки, или, как их называют немцы, — «дьявольская артиллерия». Если бы эти пушки были здесь у нас, это подняло бы дух нашей армии. Вражеские машины часто пролетают мимо, слышна стрельба зениток. Вчера был захвачен военнопленный немец, оборванный и обовшивевший молокосос. Настроение у них нисколько не воинственное. В голове у них пустота, буквальный мрак. Этого я не ожидал.

В 17-00 часов противник наступает по всему фронту, на нескольких участках он потеснил наши войска и форсировал Десну. Весь день слышна артиллерийская стрельба.

3.10.1941 г.

Я спал в землянке. Встал в 7.30. Кричат, что прибыл тов. Колесников. Я поехал поэтому во второй эшелон. Мы обменялись мнениями о наступлении противника. Позорно, что враг снова одержал победу, прорвал позицию 13 армии, занял г. Кромы, находящиеся в 30 километрах от Орла. Отрезает нас. Занял на нашем участке фронта несколько деревень.

В 12-00 мы выехали на участок 258-й дивизии, где провели 2 часа, чтобы затем вечером возвратиться в Т. Огонь нашей артиллерии силен, пехота готовится к атаке. Есть приказ возвратить потерянные позиции. Вечером, когда я пишу эти строки, положение еще не прояснилось. Подразделение связи работает плохо. Штаб то же самое.

В тылу сидят трупы, которые уже приготовились к отступлению. О боже, сколько льстецов здесь. Колесников говорит, что в Орле НКВД уже эвакуируется. Но от нас до Орла еще 150 километров! Что за путаница, что за беспомощность! Если бы была здесь твердая рука! Хорошо продуманный штурм — и немцы побегут без оглядки. Их силы в сравнении с нашей армией видимо истощены и наше отступление кажется немцам отчасти неожиданностью.

Еще 1.10.41 г. у нас появился один немецкий солдат и заявил: «Завтра мы атакуем вас по всему фронту». Он видел в нашей армии силу, однако эта сила задрожала и дала противнику возможность форсировать безнаказанно Десну в нескольких пунктах. Однако на участке 258-й стрелковой дивизии наша артиллерия хорошо поработала, и противник оставил на поле боя много убитых и раненых.

4.10.1941 г.

Рано утром я с товарищем К., который прибыл ко мне из деревни Т., пошел к Петрову. Мы сидели около 2-х часов и обменивались нашими мнениями о ходе немецкого наступления. В 12-00 часов мы выехали в автомашинах в Дятьково. В пути встретили К., начальника Особого отдела 217-й дивизии. Он сказал: «Я ищу командный пункт для 217-й дивизии». Мы дали ему указания. В пути мы встретили также комиссара 217-й дивизии. Он рассказал нам об обстановке, мы мало верили ему. Мы встретили группу красноармейцев и послали ее в дивизию.

Положение 217-й дивизии следующее: 2.10.41 г. немцы провели усиленную артиллерийскую подготовку, разбили пулеметные гнезда и позиции наших стрелков, отогнали наши передовые посты и перешли в атаку. Немецкая авиация проявляла деятельность и не давала нашим силам возможность развернуться.

Результат: Дивизия разбита. Полк №766, находившийся на правом фланге, потерян; связь прервана и никто не знает, где она осталась. От 755-го полка осталось человек 20.

Остальные мертвы, ранены или рассеяны. Дивизия потеряла руководство. Красноармейцы были оставлены на произвол судьбы. Все приходят с оружием. От дивизии осталось не более 3 тысяч человек, и эти также рассеяны.

Сегодня немцы не наступают, они только ведут разведку. По-видимому, у них здесь много сил. Здесь нужно было бы теперь наступать, но для этого ничего нет. Две бессильные армии стоят друг против друга, одна боится другую.

Вечером: говорят, что Орел горит. Нас обошли. Весь фронт, т. е. 3 армии, попали в клещи, в окружение, а что делают наши генералы? Они «думают». Уже стало привычкой: «Я уклоняюсь от окружения, мы сдаем фронт», а что же теперь? Но нужно сказать, что отдельные участки фронта удивительно устойчивы; это было врагу неприятно. Но, несмотря на это, мы уже наполовину окружены — что будет завтра?

В 22.00 я поехал в лес и говорил с командующим армии — генерал-майором Петровым об обстановке. Он сказал, что фронт не может здесь больше помочь, и спросил меня: «Сколько людей расстреляли Вы за это время» Что это должно означать?

Комендант принес литр водки. Ах, теперь пить и спать, может быть тогда будет легче.

Перспективы войны далеко не розовы, так как противник вогнал мощный клин в наш фронт. Но у нас, как всегда, потеряли голову и не способны ни к каким активным действиям.

5.10.1941 г.

Мы встали в 8.00 часов утра. Я поехал бриться. Большая очередь. Я не стал ожидать. Целый час стоял у машины, мотор не работал. В 11 часов я поехал на участок 260-й стрелковой дивизии, беседовал с начальником штаба, спал во втором эшелоне, заблудился и попал на передовые позиции к одному из наших батальонов.

Я нашел второй эшелон в д. Орменка, побрился и помылся. С начальником Особого отдела тов. Клейман пошел обедать. Обед был отличный, обслуживание тоже. Дивизия отошла очень немного, они имеют большие потери, против 260-й дивизии противник сосредоточил 3 дивизии. Немцы идут в атаку во весь рост. Наши солдаты буквально косят их.

4.10.41 г. вступили в действие наши танки и после выполнения своей задачи возвратились в д. Шимятино, где подверглись бомбардировке. Дураки, поставили их в кучу и не замаскировали.

Выводы: Дивизия дерется отлично, красноармейцы храбры

Утром прибыл гвардейский дивизион. Командир этой «дьявольской артиллерии» говорит, что они также подвергались бомбардировке. Дивизион имеет 3 орудия, стреляющие залпами. Задачу на нашем фронте он еще не получил.

Немецкие солдаты имеют только куртки, они снимают с убитых красноармейцев шинели и носят их. Для отличия они отрезают рукава до локтей.

Танки отправились в направлении Брянска. Вероятно, они ожидают сзади противника.

6.10.1941 г.

В 9-00 утра К. возвратился с фронта. Он говорит, что штаб переехал. Остались военный совет и оперативный отдел. Особый отдел полностью отрезан. Он (К.) возвратился поэтому к нам. К. был там около 2-х часов, он говорит, что он едет в штаб фронта. У него болит сердце. Я не советовал ему ехать, затем я ему сказал: «Ну поезжай, только вечером возвращайся обратно». Мы обменялись затем мнениями относительно сегодняшнего дня.

В 15-30 часов сообщили, что танки противника окружили штаб фронта. Происходит стрельба. Затем нет ника-

ких известий из штаба фронта. Около 17 часов танки возвратились в город. Об этом сообщили нам во время обеда. Второй эшелон уехал на велосипедах в деревню Гололобовка.

Вечером разведка донесла, что в Брянске 6 танков и 5 или 6 автомашин с пехотой. Брошено 2 полка, чтобы изгнать противника из Брянска. Имеется противотанковое орудие. Пехота 154-й дивизии еще не прибыла. Брянск горит, мосты через Десну не взорваны. Противник проявляет оживленную деятельность. Гвардейский дивизион уехал в распоряжение командира 290-й пехотной дивизии. Паники нет, но состояние нервное.

В 5 часов. Я остался в землянке, автомашина готова к отъезду. Жаль товарища К. Весьма возможно, что он наткнулся на танки противника. У него было такое предчувствие, и он не находил себе места. Генерал принимает предварительные решения. Ждет указания из Москвы. Взять армию с фронта нельзя, так как слева 3-й и 13-й армии, которые могут попасть в тяжелое положение. Неизбежность окружения всего фронта, а не только нашей армии очевидна.

Стрелковые дивизии удерживают первоначальный участок обороны. Командование фронта в лице начальника штаба — генерала Сахарова и командующего фронтом Еременко уже приказало отвести дивизии на второй участок обороны. Они, однако, это распоряжение сами изменили. Руководство штаба фронта в течение всего времени немецкого наступления потеряло управление и вероятно потеряло голову. Было бы гораздо лучше предоставить армии возможность самостоятельных действий.

Снабжение боеприпасами проходит с перебоями. 5.10.41 г. в Брянске было около 100 поездов. Удалось еще отправить их куда-нибудь. По сообщению начальника тыла, осталось приблизительно 130 тонн горючего, но сколько осталось на отдельных участках железной дороги, неизвестно.

7.10.1941 г.

Я встал очень рано. На фронте не произошло никаких существенных изменений. Дивизии удерживают свои позиции. Идут бои за городом Брянском. Оба наши полка 154-й дивизии отражают наступление врага. В 6 часов вечера противник занял большую часть Брянска. Имеется решение менять командный пункт. В 18 часов мы покинули г. Брянск, согласно приказа об отходе. Итак, мы оставим также г. Орел.

В 18 часов мы выехали с оперативной группой на 3-х автомашинах в район тыла в деревню Огорь и прибыли туда в 24 часа. Расстояние составляет только 40 километров. Вокруг нас паника и слухи всякого рода. Мне было больно оставлять свою землянку. Здесь в лесу мы прожили больше месяца и чувствовали себя на этом месте, так сказать, по-домашнему.

Ничего подобного поражению Брянского фронта история еще не видела. Противник подошел сзади и окружил почти 3 армии, т. е. по меньшей мере 240 тысяч человек, которые занимали область размером приблизительно 600 км по кривой линии обороны. Прибыл приказ из Москвы руководству штаба: «Весь фронт должен отойти». Громадные усилия, кажется, начнется бегство людей.

Последние дни мы не видели ни одного нашего самолета. Мы сдавали города почти без боя. Командование фронтом потеряло руководство с первых дней немецкого наступления. Говорят, что эти глупцы уже изъяты и отправлены в Москву.

Отступление! Все усилия, которые были приложены для укрепления оборонительной зоны, оказались напрасными. Гигантские усилия! Эту линию используют немцы, если мы их погоним назад. Командование фронтом 6.10.41 г. передано Петрову. Интересно отметить следующее. Я прихожу к Петрову, он говорит: «Ну, меня тоже скоро

расстреляют». «Почему же» — спрашиваю я его. «Да, — говорит он, — меня назначили командовать всем фронтом». Я отвечаю: «Если Вас назначили, то Вы должны браться за дело и стремиться к победе». «Ну да, но ты видишь, однако, в каком положении находится фронт и его армия. Я еще не знаю, что осталось от этих двух армий (3 и 13) и где они находятся».

8.10.1941 г.

Деревня Огорь. Я не спал целую ночь. В 500 часов утра я отослал второй эшелон. В деревне остались 8 человек оперативных работников и две автомашины. В 10 часов утра мы выпили вчетвером литр водки, хорошо позавтракали. Я лег спать в машине и спал хорошо. Едуков разбудил меня. Я выехал на грузовике, чтобы установить связь с командным пунктом, который переехал в другое место, неизвестно куда.

Все жители остались здесь, они убирают картофель. Не слышно ни одного выстрела. Как быстро забывают ужасы войны! В 6 часов вечера слышен большой шум моторов, слышна стрельба артиллерии и пулеметов. В 9 часов вечера приехал И. с группой людей с командного пункта. Прибыло 150 раненых. Школу оборудовали под лазарет. Я ночевал в автомашине.

9.10.1941 г.

Встал в 8 часов, спал плохо. В 9 часов выехал на командный пункт, видел Петрова и Шляпина. Узнал, что второй эшелон за ненадобностью уехал, так как иначе он мог попасть в плен. Весь день кругом стреляли, непрерывно летали над нами самолеты. Ночью выпал небольшой снег. В 8 часов вечера был зажжен артиллерийский склад. Была ужасная канонада; было видно гигантское пламя, я вышел из лесу в поле, чтобы посмотреть этот фейерверк. Это красиво. Ночь темна, идет маленький дождик.

10.10.1941 г.

Мы спали вчетвером в одной автомашине. Очень холодно. В 7 часов встали. Идет снег, он падает большими хлопьями. Мы позавтракали из старых запасов, случайно достали кипятку и хорошо согрелись. В 11 часов мы выехали в район Хвастовичи. По дороге движется масса автомашин и людей. Грязь непролазная; вся дорога превратилась в тягучее тесто. В деревне Слобода мы остановились. Я встретил Никонова из 217-й стрелковой дивизии, он мне сказал, что их потери в людях составляют 75%, потеряна также часть вооружения.

11.10.1941 г.

Мы переночевали в деревне Березовка. В 10 часов утра пришел товарищ И. и сообщил, что в деревне Огорь 9.10.1941 г. был убит товарищ Миша Чернецов, при взрыве бомбы. Мне очень жаль этого симпатичного человека. Его похоронили около школы у липовой аллеи.

В час 30 мин. немцы начали обстреливать поле вблизи штаба из минометов. Штаб армии уехал в беспорядке в Авдеевку. На дороге уже господствовало беспорядочное нагромождение автомашин; над нами кружились 4 немецких самолета, дважды мы останавливали нашу машину; самолеты летали очень низко, кругом стреляли зенитки, но напрасно. Самолеты не сбросили бомб, это было странно, но вероятно они не имели их с собой.

Положение для армии печально; где тыл, где фронт, — трудно сказать. Кольцо, в котором находится армия, суживается. Обоз армии — это груз, все колонны тянутся туда. Армия терпит значительные потери в людях и материалах.

12.10.1941 г.

В 5 часов утра мы прибыли в деревню Буяновичи.

Немедленно позавтракали, я выпил стакан водки и лег спать в машину. В 10 часов утра меня разбудили. Оказалось,

что в то время, когда я спал, немецкие самолеты сбросили 4 бомбы и обстреляли деревню из пулеметов. Одна хижина горит. Два человека из санитарного батальона убиты. Я брился во время стрельбы из пушек и пил чай.

Население в этих деревнях принимает нас не очень дружелюбно. Это нужно отметить.

Минометы противника ведут огонь. Я послал в штаб, чтобы узнать, как обстоят дела. В час 30 минут противник начал вести сильный минометный огонь. Штаб быстро отправился в направлении на Фроловку. Прибыв на кладбище, я остановил машину, затем стал у края кладбища, наблюдал огонь вражеских минометов и беспорядочное бегство штаба армии.

Двигалось приблизительно 1 000 машин в 3 ряда. Командующий армией проехал мимо и показал рукой на лес. Мы сели в автомашины и уехали в лес, находящийся в одном километре от деревни Б. Мы собирались ехать в направлении деревни Ф. В лесу я остановил машину и приказал ехать к переправе через Москву. Я сам шел пешком через лес.

Когда я прибыл к переправе, то встретил товарищей Едукова, Зайцева и Шляпина. Мы остановились у переправы и наблюдали восстановление дороги. Наши машины были уже на той стороне. Внезапно прибыло 3 кавалериста и сообщили, что там немцы. Одновременно нас начали обстреливать из легких пулеметов и минометов. Возник беспорядок. Наши солдаты начали стрельбу; я и С. медленно отошли в глубь леса. Вокруг нас свистели пули и осколки гранат. Я потерял весь оперативный состав, блуждал до вечера. Стрельба прекратилась. Командующий, члены Военного совета и начальник штаба выехали, их не было больше в лесу. Вечером я получил приказ: ночью отойти в деревню Нехочи.

Настроение мрачное. Мы были близки к тому, чтобы прорваться. Немцы были изгнаны из деревни Ф. И теперь

мы должны снова идти во внутрь кольца, которое конечно, станет еще уже.

13.10.41 г.

Всю ночь я не сомкнул глаз. Я потерял 2 автомашины. Вчера вечером я встретил товарища И., сегодня утром я встретил шофера Ф., который мне сказал, что весь оперативный состав в порядке. Сильный холод. Нет ни перчаток, ни теплого белья. Я хожу в гимнастерке. Мы двигаемся очень медленно, застряли в болоте.

Было около 1000 автомашин. Всю ночь мы строили переправу, переводили автомашины с помощью тягача и, несмотря на это до утра не закончили. В болоте осталось около 50 грузовиков и приблизительно такое же число на поле.

В 6 часов утра немцы начали стрелять из многих минометов. Мы прибыли к одному маленькому ручью, где нас обнаружил немецкий разведывательный броневик. Он дал знак, и противник открыл по нашему обозу минометный огонь. Мы остановились у ручья.

Ночь прошла спокойно. Мы строили переправу.

14.10.1941 г.

Противник оттеснил нас в кольцо. Непрерывная канонада. Дуэль артиллеристов, минометчиков и пулеметчиков. Опасность и ужас почти целый день. Я уже не говорю больше о лесе, болоте и о ночевке. С 12-го я не спал. Со 2-го октября я не читал ни одной газеты.

15.10.1941 г.

Это ужасно, у меня кружится голова; трупы, ужас войны, мы непрерывно под обстрелом. Снова я голоден и не спал. Я достал фляжку спирта. Я ходил в лес на рекогносцировку. У нас полное уничтожение. Армия разбита, обоз уничтожен. Я пишу в лесу у огня. Утром я потерял всех чекистов, остался один среди чужих людей. Армия распалась.

16.10.1941 г.

Я переночевал в лесу. Уже три дня я не ел хлеба. В лесу очень много красноармейцев. Командиры отсутствуют. В течение всей ночи и утром немцы обстреливали лес оружием всех видов. Около 7 часов утра мы встали и пошли на север. Стрельба продолжалась. На отдыхе я помылся. Мы достали продуктов питания и сварили обед. Я нашел для себя маленькое одеяло, полевую фляжку и сумку. С утра идет дождь. Затем дождь перешел в мокрый снег. Мы промокли до нитки. Нас мучает ужасная жажда, мы пьем болотную воду.

Под вечер мы пришли к деревне К. Адский холод, сыро. Мы построили палатки, разожгли огонь, высушили одежду, пошли вчетвером в колхоз и достали соломы. Мы спали очень спокойно. На дороге мы видели немецкий обоз, пропустили его мимо. Наткнулись на мертвых красноармейцев. По пути лежат кучи брошенных противогазов и касок.

17.10.1941 г.

Я проснулся от голода. Красноармейцы уже разожгли огонь. Я высушил мою шинель. Вскоре позавтракали и затем отправились дальше. Уже третий день мы не имеем хлеба. Вышли для разведки на опушку леса. Немецкий разведывательный отряд обнаружил нас и обстрелял из миномета. Вечером мы перешли железную дорогу и канал, достали сена для ночевки. Немецкий патруль обнаружил нас и обстрелял из легких пулеметов и минометов. В пути я бросил сено. Ночь была ужасно холодна, хотя в лесу мы спали на сене.

18.10.1941 г.

Не позавтракав, продолжали мы двигаться через лес. Мы видели немецкий патруль. Перестрелки не было. Как всегда, шли через болото. Около 12 часов останови-

лись позавтракать, высушили одежду, ели теплый суп и кашу, кусочек мяса на 4-х человек, немного картофеля и гороха. Я побрился. Ночью предстоит переход через шоссе. Оно находится под обстрелом. К сожалению, у меня нет больше одеяла, так как вчера во время перехода через железнодорожную линию оно исчезло. Ужасно холодно.

19.10.1941 г.

Всю ночь мы шли под проливным дождем через болотистую местность. Непроницаемый мрак. На мне нет больше ни одной сухой нитки. Моя правая нога опухла. Двигаться ужасно тяжело. На рассвете мы остановились в лесу. С большим усилием я обсушился у огня и оделся, не поев и не поспав. Предстоит нам теперь путь через безлесную местность. Мы разделились на две группы, половина из нас не имеет оружия. Днем я вышел из лесу в качестве охранения, но безрезультатно. Разведка ходила за лес в..., но там немцы. Слышна стрельба легких пулеметов и минометов.

Послесловие.

На этом заканчивается дневник. На следующий день, 20.10.41 г., Шабалин встретился с генерал-майором Петровым, вместе с которым он погиб юго-западнее Пассеки в 16 часов.

А.М. Гуськов

От Смоленска до Москвы

Гуськов Анатолий Михайлович (1914 — 2005)

Почетный сотрудник госбезопасности, генерал-майор.

В 1940 г. действовал в Прибалтике как разведчик-нелегал, войну прошел в рядах военной контрразведки НКВД — СМЕРШ. После войны — на различных руководящих должностях в МВД и аппарате ЦК КПСС, возглавлял МВД — КГБ Азербайджанской ССР. С 1956 г. — заместитель начальника, с 1959 г. — начальник 3-го Главного управления КГБ при СМ СССР.

В особом отделе 269-й дивизии

...2 июля утром прибыли в Москву, почти без всяких задержек сдали документы. Но когда я попросил принять 6 миллионов рублей денег, то все вдруг осложнилось. Наркомат госбезопасности принять деньги отказался, и направили меня в Госбанк. Там долго расспрашивали, как и почему я оказался обладателем такой крупной суммы денег. Пока шли переговоры, наступила ночь и нам пришлось ночевать на машинах прямо на площади Дзержинского, охраняя деньги. На следующий день, наконец, разрешилась и эта проблема, деньги были сданы, а мы с облегчением вздохнули, избавившись от «опасного» груза. В тот же день 3 июля я был вызван в Управление кадров и получил назначение — начальником особого отдела 269-й дивизии, которая формировалась под Коломной в поселке Щурово.

По приезде в дивизию успел только сформировать особый отдел, познакомиться с командованием. Через несколько дней нас погрузили в эшелоны и направили на Центральный фронт, где велись тяжелые бои под Смоленском.

По прибытии в район назначения весь личный состав принял боевую присягу по подразделениям перед строем. Это было волнующим событием, ибо мы уже слышали гром приближающейся битвы и каждый давал клятву перед лицом своих товарищей мужественно и самоотверженно вступить в смертельную схватку с врагом.

Сложность обстановки, озабоченность исполнением ответственного задания быстро сближает людей. Поэтому уже через несколько дней между командиром дивизии генерал-майором Н.Ф. Гарничем, комиссаром Д.А. Зориним и мною установились очень хорошие взаимоотношения. Это всегда помогало в разрешении любых вопросов на первом этапе боевых действий дивизии, а в последующем хорошие отношения переросли в крепкую фронтовую дружбу,

помогавшую нередко добиваться важных результатов в работе, о чем будет рассказано ниже.

В течение трех дней, с 18 по 20 июля, наша дивизия вела упорные бои с сильной вражеской группировкой и понесла значительные потери. После этого нас вывели в резерв фронта для пополнения личным составом и вооружением. Но увы... не успели мы опомниться, как в начале августа дивизию погрузили в эшелоны и направили на вновь образовавшийся Брянский фронт. Экстренное создание этого фронта было вызвано тем, что крупная танковая группировка под командованием Гудериана, сломив сопротивление наших войск на юго-западном направлении и выйдя на оперативный простор, развивала наступление на Орел — Тулу — Москву.

Эшелоны должны были прибывать в район г. Почеп. Между тем, в это время я был вызван в Москву для получения указаний и к месту выгрузки эшелонов следовал на автомашине с двумя офицерами штаба дивизии.

Немецкий шпион Иванов

К месту выгрузки мы прибыли на сутки раньше, чем прибыл первый эшелон, в котором находилось командование дивизии. Разгрузка происходила на ветке, отходящей от основной магистрали, расположенной в живописном месте. Ровная, окруженная небольшими лесными массивами и кустарником поляна, покрытая густой травой со множеством различных цветов, буквально как нарядная скатерть.

Разгрузка первого эшелона производилась рано утром, когда солнце только успело взойти и приятно пригревало своими лучами. После длительного пребывания в пути под бомбежкой немецких стервятников солдаты и офицеры выскакивали из вагонов и, наслаждаясь чудесной поляной, радовались прекрасному утру нового дня. Но, к сожалению, он не обещал ничего хорошего.

Через несколько часов прибыл второй эшелон, в котором находился артиллерийский полк. Так же, как и первый эшелон, быстро начал разгрузку. Но в самый момент напряженной работы, когда на месте разгрузки было большое скопление людей и техники, появилось около 20 немецких пикирующих бомбардировщиков — «Юнкерсов» (Ю-87). Первыми бомбовыми ударами они подавили зенитную артиллерию, прикрывавшую дивизию с воздуха, и, построившись в круг, начали бомбить эшелон. Это было ужасное зрелище. Каждый маскировался как мог в складках местности. Я лежал в сотне метров от эшелона в траве, и с каждым ударом очередной бомбы меня подбрасывало вверх. Вагоны от прямых попаданий разлетались в щепки. Казалось, время остановилось, конца бомбежки не будет и вообще не останется никого в живых. Но вдруг, очевидно по команде, все «Юнкерсы» построились в звенья и улетели. Место, где стоял несколько минут назад эшелон, представляло самое печальное зрелище. Там и тут лежали убитые и искалеченные люди, горели вагоны, разбитая боевая техника. Горе и ужас охватывал каждого, оставшегося в живых.

Затем, опомнившись и придя в чувство, мы начали собирать народ, оставшийся невредимым, чтобы немедленно оказать помощь раненым. Спустя какое-то время меня отзывает командир дивизии в сторону и говорит: «Я уверен, что у нас действует крупный шпион! Идемте в штаб, я расскажу Вам подробнее». По дороге он мне рассказал, что как только разгрузился первый эшелон и подразделения заняли боевые позиции, он обратил внимание на подозрительное поведение командира батальона майора Иванова. На неоднократные вызовы в штаб он не являлся, посыльные найти не могли, и только адъютант комдива обнаружил его, когда он выходил с радиостанцией из спецмашины, в которой больше никого не было, т.к. расчет в тот момент был послан на рытье укрытий. Свое отсутствие Иванов объяснить не мог, вел себя растерянно и как-то пугливо. Это сообщение было очень важным для меня по-

тому, что Иванов находился в поле зрения Особого отдела, но конкретных данных о его вражеской деятельности мы к тому времени не получили. Прямо надо сказать, что данных для ареста было явно недостаточно, но комдив так горячо убеждал меня, что столь неожиданный налет немецкой авиации был неслучаен, что о прибытии эшелонов сообщил немцам шпион и таковым мог быть только Иванов. Я начал верить ему и решил без промедления арестовать Иванова.

Подойдя к машине, где находился Иванов, я вызвал его через солдата-связиста, хлопотавшего у машины, и объявил Иванову, что он арестован. Отобрал оружие, снял снаряжение и сам доставил в Особый отдел. Тут же начал допрашивать Иванова.

Спустя буквально, несколько минут он признался в шпионской деятельности и сообщил, что по его сигналу бомбили наш эшелон. Иванов происходил из района немцев Поволжья, в совершенстве владел немецким языком, до войны систематически приезжал в Москву и встречался с представителем немецкой разведки, работавшим под дипломатическим прикрытием. Незадолго до начала войны он имел последнюю встречу с работником посольства Германии, от которого получил конкретные задания и способы их выполнения.

На следующий день Военный трибунал приговорил Иванова к расстрелу.

С чувством огромной признательности и благодарности я вспоминаю при этом о замечательном комдиве, работавшем ранее в ЧК под руководством Ф.Э.Дзержинского, который своим пронзительным умом и великолепной интуицией преподал мне серьезный урок в начале войны

Ликвидация вражеского десанта

Пережив первую неудачу при разгрузке под Почепом, командование дивизии сделало много правильных выводов на будущее. Не теряя ни секунды времени, начали «за-

рываться в землю», создавая эшелонированную систему обороны, с ходами сообщения и местами укрытия от авиации и танков противника, примерно две недели нам удалось использовать на создание оборонительных сооружений, обеспечение вооружением, боеприпасами и продовольствием.

Не теряли напрасно времени и чекисты особого отдела, изучая личный состав и оперативную обстановку в окружении частей дивизии. Но спокойный интервал пролетел, как мгновение. И вот уже, как шквал ветра, как ураган накатывалась волна фашистских войск на наши позиции. Завязался кровавый бой, проходивший с переменным успехом. Нам удалось на своем участке фронта остановить немцев. Но немецкое командование, натолкнувшись на отчаянное сопротивление наших войск, ввело свежие силы и подвергло наши боевые порядки жестокой бомбардировке. С раннего утра и дотемна над нами летали самолеты противника с противным завыванием и буквально гонялись за каждой машиной, огневой точкой и даже за одиночными офицерами и солдатами. Такое моральное давление противника оказало свое действие, тем более, что среди личного состава было немало людей совершенно не обстрелянных.

В этот тяжелый момент немецкое командование выбросило в тыл дивизии группу автоматчиков, которые, замаскировавшись в перелесках, открыли огонь из автоматов.

С возникновением стрельбы в своем тылу среди солдат немедленно поползли слухи: «Мы окружены!». И это полностью надломило психологическое состояние наших войск. Сначала по одиночке, а затем группами начали отходить в тыл наши войны. Находясь на КП, командир дивизии и я с ужасом наблюдали эту картину. Я видел, как напряженно думал Николай Федорович, как он искал решение задачи, но в его распоряжении уже не было никаких резервов. И вдруг он, как бы в отчаянии, сказал: «Толя! Выручай!». Мне этого было достаточно, ибо я и сам пони-

мал — нужны решительные действия. Очень быстро я собрал группу офицеров штаба дивизии, 5-6 чекистов особого отдела, взвод охраны около 20-25 человек с двумя ручными пулеметами и автоматами.

Я поставил задачу: ликвидировать вражеский десант. Через час мы полностью уничтожили группу из 12 человек, 8 человек убили и 4 взяли в плен, вернули бежавших с боевых позиций своих солдат и офицеров.

Когда я доложил об этом комдиву, хотя вся операция проходила у него на глазах, он был крайне взволнован, обнял меня и сказал: «Спасибо! Этого я никогда не забуду».

Спустя некоторое время я решил зайти в расположение штаба дивизии, чтобы узнать о положении дел в наших частях и подразделениях. Около одной из палаток увидел толпившуюся группу солдат и офицеров, подойдя поближе, понял в чем дело. Оказалось, что наши люди, не видевшие никогда в непосредственной близости немцев, рассматривали их с детским любопытством и наивностью, а некоторые добряки совали немцам хлеб, папиросы. Удивительно добр русский народ: даже к врагу, который только что сеял смерть и страх в наших рядах, относились очень добродушно.

Сделав замечание находившимся офицерам и солдатам, я вошел в одну из землянок и увидел, как заместитель начальника штаба подполковник Яковлев вместе с офицером штаба, знавшим немецкий язык, допрашивал одного из взятых в плен немцев.

Немецкий солдат, эдакий «чистокровный ариец», сидел заложив ногу на ногу, нагло отвернувшись от допрашивающего, не испытывал даже малейшего желания давать какие-либо показания. На все вопросы он отвечал только «нет», «не знаю» и т.п. Посмотрев на эту картину, я был возмущен до глубины души и громко закричал на него. Мгновенно он вытянулся как струна и встал передо мною. Я приказал переводчику задавать ему вопросы. Немец стал четко, как машина, отвечать на них. Получив необходимые

данные, я передал немцу через переводчика, что если его данные окажутся ложными, он будет немедленно расстрелян. Подполковник Яковлев почувствовал себя несколько сконфуженным и стал передо мной оправдываться. На это я заметил, что на войне чрезмерная доброта к хорошему не приведет, и покинул землянку.

Рано утром следующего дня мы с комдивом выехали на машине на передовые позиции своих войск. В пути нас атаковала группа самолетов-истребителей «Мессершмитт». Выскочив из машины, мы побежали к стогам сена, а самолеты, все время преследуя нас, бросали мелкие бомбы и вели ураганный огонь из пулеметов. Вблизи комдива разорвалась бомба и он упал на спину. Подползли мы к нему с водителем и установили, что он жив, но тяжело контужен. Мы доставили его в санбат. Когда Николай Федорович пришел в себя, открыл глаза, посмотрел на меня и сказал: «Я слишком мало сделал для победы, отомсти немцам и за меня, если я не вернусь!» И снова потерял сознание. Сердце мое сжималось от боли, когда я, простившись с Николаем Федоровичем, вышел из санбата. Как-то особенно остро почувствовал, какого наставника я потерял.

Но унынию предаваться было нельзя, да и некогда. Обстановка накалялась с каждой минутой.

Роковая переправа

К 29 сентября группа немецких танковых войск Гудериана, произведя перегруппировку, нацелила свой удар в направлении Орла с целью окружения войск Брянского фронта и прорыва к столице. В это время комиссар дивизии Д.А. Зорин и я были переведены в 307-ю стрелковую дивизию, которая была лучше укомплектована личным составом и вооружением.

1 октября мы прибыли в штаб 307-й стрелковой дивизии 13-й армии и представились командиру дивизии — полковнику Б.С. Лазыко, от которого узнали, что 13, 3 и

50-я армии Брянского фронта оказались в полном окружении, со штабом фронта связь прекратилась.

По указанию Генерального штаба каждая армия должна была пробиваться на восток самостоятельно.

«Немецко-фашистское командование предполагало быстро покончить с 13-й армией. Но оно просчиталось. Армия продолжала организованно вести бои в окружении». Так сказано в книге «В пламени сражений», написанной группой авторов под редакцией генерал-лейтенанта М.А.Козлова.

Наша 307-я стрелковая дивизия в период окружения была выделена для прикрытия отходящих войск 13-й армии и поэтому испытывала особые трудности. Кольцо окружения с каждым днем сжималось все сильнее. Запасы боеприпасов, продовольствия и горючего полностью иссякли. Обходились только трофейным оружием и боеприпасами, питались в деревнях. Наше движение осуществлялось на юго-восток, и к 12 октября мы находились на территории Курской области. Выпавший 8 октября обильный снег, бездорожье и непрерывное преследование противника делали наш поход невероятно трудным. Голодные, без сна, некоторые бойцы не выдерживали физического и психологического напряжения и, теряя сознание, падали в пути.

В ночь на 17 октября была назначена решающая атака для прорыва на восток в районе Нижне-Песочное на реке Свапа. 52-я кавалерийская дивизия готовилась обеспечить нашу переправу через реку. Атака была назначена на 2 часа ночи. И вот, когда 6-я, 132-я и 143-я стрелковые дивизии прорвали немецкое кольцо окружения и переправились через реку, наша дивизия оказалась в исключительно тяжелом положении. Опомнившись от внезапного удара, немцы расстреливали нас со всех сторон, а когда мы вышли в зону прорыва в дер. Хомутовка, там нам устроили настоящую ловушку. В эту памятную ночь многие воины отдали свои жизни при выходе из окружения.